

А.В. Торкунов. «Серьезные заделы на будущее»

В беседе в редакции авторитетный российский ученый и общественный деятель высказывает свои суждения о главных итогах 2005-го и перспективах наступившего года.

Я бы не стал выискивать некой специфики минувшего года. Он, если можно так сказать, был "рабочим". Именно такие внешне ординарные годы и составляют собой основу внешнеполитического багажа, когда без лишнего шума, помпезности выстраиваются серьезные заделы на будущее. Вместе с тем следует отметить, что 2005-й охарактеризовался достаточно напряженными дискуссиями по поводу политики России на постсоветском направлении, поиску новых точек соприкосновения с нашими европейскими партнерами. В значительной степени это произошло в силу объективных причин, связанных с непростыми процессами в таких странах, как Украина, Грузия, Киргизия. На фоне стремительного роста цен на энергоносители уходящий год показал важность энергетической составляющей внешней политики страны, был отмечен появлением новых аспектов в энергетической дипломатии, связанных как с поиском альтернативных маршрутов транспортировки российского газа и нефти, так и с изменением сценария взаимодействия с некоторыми традиционными партнерами. Вторая половина 2005 года стала фактически периодом активной подготовки к нашему председательствованию в "восьмерке". Наверное, это одно из важнейших достижений.

Россия и США. В современной динамичной ситуации говорить о неких статичных параметрах, в том числе о достижении некоего максимума в отношениях с администрацией Дж.Буша, ряд ли корректно. С другой стороны, автоматическое расширение нашей повестки явно не входит в задачи сторон. Москве и Вашингтону разумнее сконцентрироваться на уже намеченных направлениях, в том числе на тех, где при формальной согласии существуют реальные проблемы практического взаимодействия. Это относится и к проблемам нераспространения, и борьбе с терроризмом, и двусторонним отношениям в энергетической сфере. Полагаю, что подготовка к саммиту "восьмерки" может серьезно оживить и двусторонний российско-американский диалог. В этом диалоге нам важно, прежде всего для самих себя, сформулировать четкую позицию по ряду региональных вопросов, в частности по Ближнему Востоку и СНГ. Четкость формулировок и понимания даст Вашингтону более адекватное представление о наших интересах. В целом нужно стремиться к тому, чтобы в момент завершения срока президентства Дж.Буша в наших отношениях был накоплен такой багаж, который без проблем мог бы быть воспринят его преемником.

Россия и Европа. Минувший год стал первым полным годом, когда ЕС оперировал на международной арене в своем расширенном составе. К сожалению, в этот период стало очевидным отсутствие готовности некоторых новых стран-членов к этой роли. Достаточно вспомнить поведение некоторых лидеров накануне празднования 60-летия Победы в Москве. Вместе с тем россияне, думается, искренне признательны тем, кто с искренними и добрыми чувствами прибыл на торжества. В принципе перед Россией сохраняется задача создания более стабильных отношений с новыми странами ЕС, что важно для развития плодотворных контактов с Евросоюзом в целом. Другое дело, что этот процесс не может быть односторонним - нам нужны соответствующие сигналы из восточноевропейских столиц. Хороший климат в отношениях с ЕС России тем более важен в ситуации, когда действующее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве "образца 1994 года" истекает и стоит задача выхода новых сценариев взаимодействия. Эта задача, в свою очередь, не может быть реализована и без широкомасштабной общественной и научной дискуссии о параметрах будущих отношений России и ЕС.

Пользуясь случаем, хотел бы предложить для этого "площадку" МГИМО и начинающего свою работу Российского европейского колледжа.

Следует отметить, что зачастую в наших оценках внешнеполитического поведения европейских стран в отдельности, либо в рамках политики ЕС мы упускаем те внутренние причины и процессы, которые это поведение обуславливают.

Так, на мой взгляд, очевидно, что сейчас для стран ЕС, прежде всего "старых" стран, характерна определенная усталость от количественных изменений, которые накапливались на всем протяжении после Маастрихта. Эти изменения были настолько массивными, что реально стали угрожать качественной целостности европейской интеграции, выстраивавшейся десятилетиями. Именно отсюда проистекает и провал на референдумах единой Конституции ЕС, и отсутствие единства во внешнеполитическом реагировании, и неясность в сценариях отношений с восточными соседями, тем более такими, как Украина или Турция. Своеобразным проявлением кризиса идентичности западной части континента стали события во Франции, равно как и их относительно слабые (пока?!) аналоги, проявившиеся в Германии и Бельгии. События показали, что степень социальной адаптации внешних элементов, уровень солидарности граждан в отношении, казалось бы, непоколебимых общественных ориентиров весьма далек от идеала даже в стране, которая сознательно протяжении многих лет инвестировала в эти направления своего развития. Прямые параллели с Россией в этой ситуации вряд ли будут уместными в настоящий момент. Количественно миграционные потоки в нашу страну и во Францию действительно сравнимы, качественно - нет. При всех допусках миграции в Россию - это в значительной степени миграция людей советского, то есть знакомого менталитета. Хотя этот фактор быстро уходит. Во-вторых, эта миграция в значительной степени трудовая, а не иждивенческо-гуманитарная, которая и сформировала во Франции тот огромный пояс безработных, социально дезориентированных предместий. "Главная параллель", если так можно выразиться, состоит в том, что у нас, в России, по-прежнему нет эффективной миграционной политики, нет даже на уровне некоего концепта. И это при том, что задача выработки такой политики уже неоднократно ставилась президентом страны.

Россия - Китай. АТР. Простое развитие двусторонних отношений Москвы и Пекина по накатанным сценариям 1990-х годов, думается, уже исчерпало пределы роста. Наши отношения с Китаем мы должны более умело вписывать в контекст политики в АТР в целом или, как минимум, в регионе Северо-Восточной Азии. Именно такой подход позволит найти дополнительные резервы качественного развития наших отношений. Мы должны более внимательно относиться к долгосрочным процессам, разворачивающимся в регионе.

Так, АТР в последнее десятилетие продемонстрировал мощнейшую динамику своего институционального развития, и Россия заинтересована во все большем подключении к региональным механизмам. Принимая во внимание качественно нарастающие отношения России и ЕС и присутствие нашей страны в АТР, было бы разумным снова вернуться к вопросу об участии Москвы в АСЕМ. Столь же естественным выглядит и наше вхождение в Восточноазиатский экономический совет. Очевидно, что Россия со своей стороны должна приложить усилия, с тем чтобы сориентировать организации с ее участием на более пристальное внимание к АТР. Речь идет прежде всего о ШОС, которая, наверное, окажется более эффективной, если выйдет из своего центральноазиатского "кокона" на более широкие просторы, с участием новых государств.

Серьезный потенциал несет в себе и фактор энергетики. Российская энергетическая

политика в Северо-Восточной Азии находится только в начале своего становления, но уже сейчас разворачивается нешуточное соревнование наших соседей за ресурсы Восточной Сибири и Сахалинского шельфа. Вместе с тем мы можем приветствовать и уже первые наметившиеся компромиссы, в частности согласие Японии и Китая соинвестировать в строительство нефтепровода Восточная Сибирь - Тихий океан. В целом Россия и страны региона могли бы серьезно рассмотреть вопрос о региональном энергетическом механизме, принимая во внимание то, что в АТР прекрасно представлены крупнейшие страны - поставщики и потребители ресурсов. Я полностью готов присоединиться к словам Президента В.Путина из его статьи, опубликованной в прессе стран - членов АТЭС накануне саммита в Пусане, о том, что "Россия готова играть одну из ключевых ролей в формировании новой энергетической архитектуры региона". При этом важно помнить, что если мы подходим к проблемам энергетики по-современному широко, то она влечет за собой широчайший спектр вопросов - от транспортных коридоров до макроэкономики, от финансов до экологии. Именно так следует понимать глобальную роль энергоресурсов, в том числе роль во внешней политике России.

Возвращаясь к нашим отношениям с Китаем, я хотел бы подчеркнуть, что мы должны научиться конструктивно рассматривать и реально проблемные для нас вопросы. Так, нынешняя несбалансированность трудовой миграции создает для России серьезные проблемы и опасения на будущее, нелегальные мигранты зачастую подвержены сильному влиянию организованной преступности. Наверное, объективная потребность в рабочей силе, существующая на российском Дальнем Востоке, могла бы удовлетворяться в том числе и за счет диверсификации трудовых потоков, привлечения в конкретные отрасли и бизнес-проекты рабочих из других стран АТР, которые имели бы стимул приехать в Россию, и по успешному завершению выгодного контракта вернуться домой.

Россия - СНГ. Важным фактором международных отношений является начало нового этапа реформирования отношений и политических изменений на постсоветском пространстве. Степень готовности к этим изменениям как со стороны России, и со стороны "дальнего зарубежья" оказалась недостаточно высокой. В этой ситуации очевидны с нашей стороны попытки смягчить эти процессы, а со стороны некоторых наших западных партнеров - направить эти изменения в накатанное русло "евроатлантической солидарности". Вопрос в том, насколько подобные действия плодотворны в долгосрочном плане. Искусственное "растаскивание" государств постсоветского пространства по соседним регионам может серьезно усложнить ситуацию в Евразии.

Вместе с тем мне думается, что Россия, несмотря на все трудности, к концу 2005 года нашла некий *modus vivendi* в отношениях со своими ближайшими соседями. Это касается в том числе и Украины. Сейчас для этой страны гораздо важнее найти внутривнутриполитический баланс и пройти испытание грядущими парламентскими выборами. Действительно, тот же "газовый кризис", по поводу которого каких только комментариев не было, сейчас демонстрирует, что его значительная часть кроется во внутриэлитных противоречиях на Украине.

Другое испытание выборами в 2006 году предстоит Белоруссии. Их благоприятный исход - а благоприятным можно считать прежде всего сохранение стабильности - дает шанс на дальнейшее российско-белорусское сближение, в котором страны явно отстают от своих же политических деклараций.

"Variable geometry". В завершение хотел бы сказать, что вся совокупность процессов, фактов, которые мы наблюдаем в мировой политике в последние несколько лет,

подталкивает к необходимости некоей систематизации происходящего. Осмысление современного мира заставляет нас отказаться от статичных схем с заведомо известными полюсами и схемами центросиловых отношений. Гораздо более адекватно говорить о "плавающей", "изменяющейся" геометрии современной мировой структуры. Если кто помнит, изначально термин "variable geometry" был применен для характеристики европейских процессов, когда на пути к полноценному Европейскому союзу внутри самого ЕС возникли различные скорости движения, различные "специализированные" полюса влияния - экономический, финансовый, военно-политический, коалиции этих полюсов.

Думаю, что подобная схема интерпретации современного миропорядка может быть практически применимой.

При всей стабильности тенденций экономического роста и укрепления влияния североамериканского, восточноазиатского, европейского центров вряд ли можем говорить о том, что именно эти ареалы и именно в такой замкнутой, жесткой композиции являются эксклюзивными игроками мировой сцены, определяющими все и вся.

Реальная практика показывает, что все более востребованными становятся некие специализированные коалиции, ad hoc альянсы для решения тех или иных международных проблем. Очевидно, что понятие "ad hoc" в масштабах глобальной политики может быть достаточно протяженным во времени.

Подобные коалиции могут носить явно "межполюсный" характер. Это видно и на примерах борьбы с международным терроризмом, и при интерпретации международного режима нераспространения, и при подходе, казалось бы, к "универсальным" ценностям - демократии и правам человека.

Как ни парадоксально, но Россия, как страна относительно слабо ассоциированная с перечисленными выше центрами роста, но имеющая широкий спектр глобальных и региональных приоритетов, является кандидатом на участие в максимально возможном числе подобных ad hoc союзов. Другое дело, что участие в них должно строиться на предельно четком осознании своих собственных интересов и степени приемлемого вовлечения.

Вместе с тем объективная подвижность современной мирополитической структуры, как это ни покажется странным, сопровождается все большим усложнением и кодификацией правил институционального поведения в экономической сфере. Именно отсюда проистекает столь важное значение ВТО, нарастающее стремление систематизировать международные энергетические отношения и т.д. Думается, что все это свидетельствует о переходе глобализации, по крайней мере экономической, в более зрелую фазу.

«Международная жизнь», №1-2, 2006.